
В. И. МЕТЛОВ

КАНТ ИЛИ ГЕГЕЛЬ?

Ойзерман, Т. И. Кант и Гегель (Опыт сравнительного исследования). – М., 2008.

Новая книга академика Теодора Ильича Ойзермана заслуживает обстоятельного рассмотрения, которое, конечно, не может быть осуществлено в рамках журнальной рецензии. Нижеследующие строки – реакция на отдельные положения книги.

Трудно найти более благодарную тему в современной духовной атмосфере, чем сопоставление двух названных великих мыслителей. Правда, следует сразу обратить внимание на то, что, провозглашая целью книги сравнительный анализ творчества названных мыслителей, Т. И. Ойзерман фактически главной своей целью ставит реабилитацию Канта, по его мнению, непонятого или искаженного Гегелем, а также основателями исторического материализма и некорректно оцененного в марксистской литературе.

При этом автор считает необходимым предупредить читателя, что он «весьма далек от самой малейшей недооценки достижений, которыми была ознаменована философия Гегеля. ...И тем не менее Гегель во многом уступает Канту, и то, что ему представляется движением к самым величественным вершинам философского познания, оказывается сплошь и рядом попятным движением, возвращением к философским концепциям, которые были преодолены Кантом самым основательным образом <...> ряд фундаментальных философских тем (прежде всего это относится к эпистемологии) получили у Канта несравненно более близкую *научному мышлению* (не только естествоиспытателей, но и представителей гуманитарного знания) теоретическую разработку» (с. 26–27).

Т. И. Ойзерман ставит Гегелю в упрек возвращение к некоторым формам прежней метафизики, которые были преодолены кри-

тикой Канта. Достоинством же кантовского подхода автором полагается прежде всего то, что тот предварил собственно метафизические построения теорией познания.

Следует, однако, сказать, что предвирать метафизические построения гносеологией является проявлением односторонности, поскольку сама критика не может осуществляться без определенного рода метафизики, и у Канта критика предшествующей философии уже предварена этого рода метафизикой. Это хорошо понимал такой неортодоксальный сторонник Канта, как Н. Гартман: «Тезис Канта: никакой метафизики без критики – остается в силе. Искомая метафизика познания не будет некритической. Только этому тезису должен быть противопоставлен естественный антитезис: никакой критики без метафизики»¹.

Надо, как нам кажется, также иметь в виду, что метафизика, которая здесь возникает у Гегеля, оказывается существенно диалектической, резюмируясь, по существу, в методе. Мы имеем дело с ситуацией, когда метод оказывается тождественным с содержанием, а следовательно, гносеологическое и онтологическое оказываются моментами диалектического движения, не имеющими самостоятельного значения, будучи взятыми вне этого движения.

Нам представляется важным подчеркнуть и то, что главной заботой посткантовской классической философии было обретение вещи, устранение отчуждения познающего человека от вещи, которая осталась у Канта «вещью в себе», и эта задача определяла характер сделанных в ней шагов. Понимание фундаментальной значимости именно этой проблемы и опытов ее разрешения с лихвой искупает возможные и действительно имевшие при этом место дефекты систем, возникающих после Канта.

С названной односторонностью Канта, которая в рассматриваемой книге представляется достоинством философии кенигсбергского мыслителя и которая так основательно преодолена Гегелем, оказывается существенно связанной другая, а именно – обособление учения об элементах и учения о методе, отделение метода от содержания, формальное понимание метода, что последовательно преодолевается сначала опять-таки «Наукоучением» И. Г. Фихте, а затем «Феноменологией» и «Наукой логики» Г. В. Ф. Гегеля.

¹ Hartmann, N. Grundzüge einer Metaphysik der Erkenntnis. – 4 Aufl. – Berlin, 1949. – S. 5.

Едва ли справедливой является квалификация Канта как родоначальника философии науки (вклад Д. Юма в это предприятие не менее значим), но нельзя не отметить, что кантианством и завершается философия науки; став на путь послекантовской линии развития, она уже не будет лишь рефлексией науки, но окажется философией *в науке*, философией, являющейся собственным аспектом развивающегося научного знания.

«Подводя итоги анализа “Критики чистого разума”, то есть главного труда Канта..., – пишет Т. И. Ойзерман, – следует со всей силой подчеркнуть, что Кант впервые в истории философии выдвинул положение о главенствующей роли теории познания» (с. 227). Трудно, однако, если вообще возможно, найти в истории теорию познания, которая не предполагала бы определенную онтологию, метафизику². Вся философия Нового времени в очень существенной мере была отмечена интересом прежде всего к теории познания, к методу, что, конечно, хорошо известно Т. И. Ойзерману. Значение имеет не сам факт выдвижения Кантом положения о главенствующей роли теории познания, но то, каким образом был решен им вопрос о познании: онтологическая составляющая, латентно существовавшая уже у Канта, необходимо возникла в посткантовском движении как собственный элемент положительной диалектики.

Помимо этого общего замечания относительно Канта, якобы основоположника эпистемологии, теории научного знания, философии науки, Т. И. Ойзерман подчеркивает большую значимость кантовской философии для современного научного познания, чем гегелевской.

Конечно, заслуживает внимания то обстоятельство, что, например, естествоиспытатели и математики нашего времени, внесшие наиболее важные, революционные идеи в соответствующие отрасли знания, заявляли о своей приверженности Канту, полагавшему единственность евклидовой геометрии, незыблемость ньютоновой физики, завершенность аристотелевской логики. Объяснение этого феномена тем не менее не является очень трудным. На наш взгляд,

² Верно, впрочем, и обратное: невозможно представить онтологию, не подразумевающую определенную гносеологию. М. Хайдеггер хорошо демонстрирует это положение вещей, загоня гносеологическую проблематику в фундаментальную онтологию.

к Канту их привлекал в основном его тезис, касающийся роли субъекта в создании изучаемого объекта, активность субъекта в процессе познания, выраженная Кантом в понятии коперниканского переворота в теории познания. То есть то, с чем оказались связанными радикальные изменения в ряде отраслей научного знания в XX столетии. Здесь Кант делает весьма важный вклад в понимание познания, и это, нам представляется, объясняет интерес к нему В. Гейзенберга, Д. Гильберта, К. фон Вайцеккера, Л. Брауэра и многих других.

Но этот этап развития научного познания, делающий оправданным методологическое освящение сдвигов в науке кантовским коперниканским переворотом, оказывается уже пройденным. Научное познание сделало такие шаги, осмысление которых уже невозможно с кантовских теоретических позиций. Достаточно посмотреть в этом отношении на эволюционную теорию современной биологии, преодолевшей кантовского типа противостояние дарвинизма и менделизма³, и неудовлетворительность общей теории развития, предлагаемой К. Поппером, деформирующим современную теорию эволюции с позиций кантовского дуализма. Впрочем, можно найти и дисциплины, для которых Гегель и Маркс окажутся несвоевременными, но это значит, что таким дисциплинам предстоит еще обрести эмпирическую и концептуальную зрелость, отвечающую требованиям метода, представленным названными авторами.

Сделавший революционный прорыв в теории познания Кант оставил следующему за ним поколению мыслителей решение таких задач, как преодоление разрыва между учением об элементах и учением о методе, выражаясь современным языком, между обосновательными (foundational) и методологическими исследованиями; как разрешение антиномий; как преодоление разрыва между собственно философскими и специально-научными исследованиями, как, наконец, обретение предмета, схема утраты которого в различ-

³ Характеризуя осуществленный в эволюционной биологии синтез парадигмы Дарвина и парадигмы Менделя, выдающийся исследователь Р. Левонтин писал: «...генетика имеет дело как с проблемой наследственности, так и с проблемой изменчивости. Триумф генетики в том и состоит, что она создала теорию, которая объясняет на единой основе и постоянство наследственности, и ее изменчивость на всех уровнях, вплоть до молекулярного. О такой теории мечтали гегельянцы» (Левонтин, Р. Генетические основы эволюции. – М.: Мир, 1978. – С. 19).

ных отраслях современного научного познания с совершенной точностью воспроизводит кантовскую логику утраты предмета (появление понятия вещи в себе, антиномичности). Решить названные проблемы, не выйдя за пределы кантовской логики, представляется абсолютно невозможным.

Вышеприведенное утверждение Т. И. Ойзермана дает неадекватное представление о характере присутствия Канта в современном научном познании; там, где кантовская философия оказывает реальное воздействие на исследование, она не может не выступить в настоящее время тормозом и для определенной отрасли научного познания, и для его метанаучного освоения. Совсем неслучайно заявление нобелевского лауреата И. Р. Пригожина о том, что кончилось время науки Галилея, Ньютона, Канта, начинается время науки Гегеля, Дарвина и особенно Маркса⁴.

Критические замечания Т. И. Ойзермана в адрес Гегеля в ряде случаев могут быть приняты и на счет Маркса. Т. И. Ойзерман отдает предпочтение этическому социализму перед научным, ставя, впрочем, термин «научный социализм» в кавычки. Это, помимо прочего, служит решению задачи избавить Канта от подозрений в связях с Марксом. Он связывает успехи, достижения в странах с социал-демократическими партиями во главе с культивированием в этих странах этического социализма. Фактом, однако, является то, что социал-демократические партии в настоящее время не очень сильно отличаются от их откровенно правых оппонентов, а потому избиратель, не улавливающий разницы в программах социалистов и программах либералов, голосует за последних, что и показали не столь давние выборы в Италии, Франции, Германии. Социал-демократия переживает в настоящее время глубокий кризис, откуда она пытается выйти, обращаясь не к этическому социализму, но, в частности, к элементам марксистского анализа, вообще же ставя в качестве главного вопрос: «Каков социализм для завтрашнего дня?»⁵

Полезно иметь в виду, что, характеризуя творческий путь нынешнего директора Института социальных исследований во Франкфурте Акселя Хоннета (Axel Honneth), его биограф пишет о

⁴ Révolution. – 1988. – № 459, dec. – P. 24.

⁵ Dossier «quel SOCIALISME demain?» // Le Monde. – 2003 (16 mai). – P. I–VIII.

двух ловушках, которых тот сумел избежать; одна из них состояла в том, что политические и социальные вопросы растворяются в вопросах юридических и моральных, как это имеет место, например, в творчестве Джона Ролса (John Rawls)⁶. В рассматриваемой нами книге отсутствует попытка автора предупредить читателя о такой опасности.

Что же касается успехов капитализма в достижении определенного благосостояния трудящихся слоев развитых стран, то они имели основой борьбу рабочего класса, а также факт существования СССР, а вовсе не имманентную логику капитализма. Неслучайно, что за гибелью СССР последовало практически сразу наступление буржуазии на завоеванные трудящимися права в этих странах.

Книга Теодора Ильича Ойзермана дает все основания для характеристики ее как призыва «назад к Канту», хотя автор и говорит о том, что его цель – сравнительный анализ концепций Канта и Гегеля. На самом деле она является хорошей иллюстрацией точки зрения Д. Лукача, утверждавшего, что поворот от Гегеля к Канту – один из показателей глубокого кризиса, переживаемого западноевропейской философией XX столетия. К сожалению, это остается верным и для отечественной философии в XXI столетии.

⁶ Le monde selon les grands penseurs actuels / préambule par Laurent Mayet. – Paris: Scali, 2007. – P. 172.